

А. П. КАЖДАН

ХРОНИКА СИМЕОНА ЛОГОФЕТА

Вопрос о характере исторического сочинения, являющегося продолжением хроники Георгия Монаха и известного под названием хроники Симеона Логофета, еще недостаточно изучен¹. Это продолжение сохранилось в различных вариантах, и прежде всего необходимо решить вопрос, являются ли эти варианты самостоятельными и независимыми хрониками или же лишь изводами одной и той же хроники, ее поздними переделками. До самого последнего времени даже наиболее авторитетные исследователи нередко говорят об этих вариантах как о самостоятельных произведениях: так, известный венгерский филолог Д. Моравчик, считая Симеона Логофета автором продолжения хроники Георгия Монаха², вместе с тем говорит особо о продолжателе Георгия³ и о самостоятельной хронике псевдо-Симеона⁴. Г. Острогорский, помимо произведения Симеона Логофета, выделяет хроники Феодосия Мелитинского, продолжателя Георгия Монаха, Льва Грамматика и некоторые другие⁵. Однако самостоятельность этих изводов вызывает, как это давно было отмечено, серьезные сомнения.

Помимо этого, мы могли бы указать и на некоторые другие существенные вопросы, остающиеся до сих пор нерешенными: таков, например, вопрос об источниках этой хроники⁶, о ее составных частях, о мировоззрении ее автора (или авторов). Решение этих вопросов, разумеется, затрудняется отсутствием критического издания. Вместе с тем мы полагаем, что подготовке этого критического издания должна предшествовать дискуссия о характере этого памятника. Вот почему мы решаемся еще раз поднять этот вопрос.

Хроника Георгия Монаха, начинающаяся с сотворения мира, доходит в древнейшей рукописи (Coisl. 310, X в.) до 842 г. Этими же событиями заканчивается и Coisl. 134 (XII в.), а из более поздних — Paris. 1705 и Ambros. 184⁷. Хроника Георгия Монаха была написана, по-видимому,

¹ Е. Э. Гранстрем даже говорит об этом памятнике как о «мало изученной хронике». См.: А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955, стр. 270.

² Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I. Budapest, 1942, S. 321.

³ Ibid., S. 140 f.

⁴ Ibid., S. 310 f.

⁵ G. Ostrogorsky. History of Byzantine state. Oxford, 1956, p. 130. Вместе с тем следует отметить, что в специальном исследовании («Славянский перевод хроники Симеона Логофета», «Seminarium Kondakovianum», v. 5, 1932, стр. 17 сл.) Г. Острогорский справедливо признавал все эти «хроники» редакциями Логофета.

⁶ Gy. Moravcsik. Op. cit. S. 140 f.

⁷ F. Hirsch. Byzantinische Studien. Leipzig, 1876 (далее: Hirsch), S. 3. Критическое издание хроники с обширным предисловием: Georgii Monachi Chronicon, ed. C. de Boog, vol. I—II. Lipsiae, 1904. См.: Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I, S. 146 f.

вскоре после того момента, до которого автор довел изложение, т. е. вскоре после восстановления иконопочитания. Автор резко порицает иконоборцев, называя в предисловии их ересь заразою от бешеной собаки манихейства. С осуждением он говорит о суемыслии «старого Фомы»⁸. «В этих словах, — правильно замечает С. П. Шестаков, — звучит голос человека, живо заинтересованного в событиях, они могут принадлежать только Георгию, а не позднейшему автору, какого предполагает Гельцер для всей первой книги хроники»⁹. Особенно важно, что в хронике срок правления Михаила III определяется в 24 года и 3 месяца, т. е. с начала 842 г., когда он вступил на престол, до мая 866 г., когда его соправителем сделался Василий. Георгий Монах в момент окончания хроники, видимо, еще не знал о смерти Михаила, последовавшей 23 сентября 867 г.¹⁰

Известный русский византист В. Регель предпринял попытку пересмотреть традиционную датировку момента завершения хроники Георгия Монаха; он обратил внимание на совпадение отдельных мест хроники в части, касающейся истории императора Феофила и первого года правления Михаила III, с текстом изданного им жития императрицы Феодоры. В. Регель предположил, что Георгий Монах использовал это житие Феодоры, написанное в правление Василия I, и в связи с этим хроникю Георгия Монаха ориентировочно датировал правлением Льва VI (886—912)¹¹.

Однако с гипотезой В. Регеля, хотя и получившей признание со стороны С. Шестакова¹², трудно согласиться. Дело в том, что отмеченные В. Регелем места хроники, совпадающие с текстом жития Феодоры, имеются не во всех списках: краткие изводы хроники Георгия Монаха не содержат тех отрывков, которые в московской и некоторых сходных с нею рукописях совпадают с текстом жития Феодоры. Поэтому мы вправе предположить, что все эти отрывки представляют собой позднейшие вставки, заимствованные кем-либо из переписчиков хроники из известного ему жития.

Это предположение подтверждается при анализе текста московской рукописи. Рассказ о восстановлении православия завершается в хронике указанием даты: τῆ α' μηνιακῆ τῶν ἁγίων υἱοτεσίων. Краткие изводы сразу же после этого переходят к повествованию об экспедиции Феоктиста, тогда как московская рукопись содержит отрывок, сходный с житием Феодоры¹³, после которого вновь повторяет датировку: τῆ δὲ α' μηνιακῆ τῶν ἁγίων υἱοτεσίων. Самое повторение этой датировки, во втором случае отнесенной к походу Феоктиста, выдает наличие вставок.

Поэтому можно считать, что и другие общие с житием Феодоры отрывки в московской рукописи Георгия Монаха являются вставками, и следовательно мы можем по-прежнему относить завершение хроники ко времени около 866—867 г.

Хроника Георгия Монаха неоднократно переписывалась, пользовалась широким распространением (она была переведена на славянские языки

⁸ Имеется в виду Фома Славянин.

⁹ С. Шестаков. О происхождении и составе хроники Георгия Монаха (Амартала). Казань, 1891, стр. 26.

¹⁰ Hirsch, S. 6; С. Шестаков. О происхождении и составе хроники..., стр. 5—6. В изданном К. де Боором тексте время царствования Михаила III определено в 25 лет и 3 месяца (Georgii Monachi Chronicon, v. II, p. 801. 5—7), но о соправлении Василия I нет ни слова.

¹¹ W. Regel. Analecta byzantino-rossica. Petropoli, 1891, p. VI—XIII.

¹² С. Шестаков. О происхождении и составе хроники, стр. 1: в небольшом дополнении он отвергает свое мнение, развитое в первой главе этой же работы.

¹³ Э.-Г. фон Муральт. Хронограф Георгия Амартала. СПб., 1859, стр. 718—720 = W. Regel. Analecta, p. 12.5—14.12. Изданный К. де Боором текст в этом месте (Georgii Monachi Chronicon, p. 801 sq.) значительно отличается от текста московской рукописи.

и на грузинский) — и многочисленные переписчики дополняли текст хроники разнообразными вставками. Широкая популярность хроники обусловила и явление продолжений: значительная часть сохранившихся рукописей не завершается рассказом о событиях 842 г., но содержит и повествование о более поздних событиях.

В некоторых рукописях в том месте, где заканчивается основной текст хроники Георгия Монаха, имеется приписка, указывающая, что автором продолженной хроники был Симеон Логофет. Такая пометка имеется, в частности, в московской рукописи Георгия Монаха (по каталогу б. Синодальной библиотеки, составленному арх. Владимиром, № 406; ныне хранится в Государственном Историческом музее под № 264. Писана в 1152 г.), в которой сказано: ἕως ὧδε τὰ χρονικά Γεωργίου, ἀπὸ τῶν ὧδε μόνον τοῦ Λογοθέτου, т. е. «До сих пор хроника Георгия [Монаха], а отсюда — только Логофета»¹⁴.

Аналогичные пометки содержатся в нескольких поздних рукописях XV—XVI вв., в надписании которых стоит имя Георгия Монаха. Пометки такого типа показывают, что, по крайней мере, продолжение хроники рассматривалось переписчиками как принадлежащее Логофету; вся же хроника представлялась им общим произведением Георгия Монаха и Логофета. Отражением подобного представления является надписание страсбургской рукописи, где поставлены оба имени: Георгия Монаха и Логофета¹⁵.

Наконец, сохранилось известное число рукописей, содержащих сходный текст и имеющих в надписании одно только имя Симеона Магистра и Логофета¹⁶.

Сходный текст содержат и некоторые другие рукописи: Paris. 1711, в которой потеряны первые листы, содержавшие надписание, но зато имеется пометка об окончании этой рукописи, пополненной (πληρωθεῖσα) Львом Грамматиком в 1013 г.¹⁷; близкая к ней по времени мюнхенская рукопись Феодосия Мелетинского¹⁸; анонимная ватиканская хроника XIV в. (Vatic. 1807)¹⁹ и ряд других.

Исследование В. Г. Васильевского²⁰ показало с большой убедительностью, что все эти продолженные хроники, анонимные или носящие в надписании какое-либо имя, относятся к одной семье, которую следует считать семьей Симеона Логофета. Именно он был автором продолжения (начиная с 842 г.) хроники Георгия Монаха. Сложный вопрос, существовала ли первоначально «всемирная хроника» Логофета (излагавшая также события от сотворения мира до 842 г.), из которой затем переписчики

¹⁴ Э.-Г. Муральт. Хронограф, стр. 721. 3. Эта пометка на л. 182 московской рукописи № 264 сделана тем же почерком, что и в основном тексте, но желтыми (теперь уже почти совершенно выцветшими) чернилами. Начало пометки вставлено перед словами τῆ δὲ α' χροιακῆ, а неуместившиеся слова написаны на нижнем поле листа. Кстати сказать, московская рукопись № 264 не имеет первых листов и, следовательно, надписание ее не сохранилось: поэтому лишь условно можно считать ее «московским Георгием». По окончании хроники следует небольшая статья (лл. 205—208): «Симеона Логофета о сотворении мира из различных хроник и исторических сочинений» (εἰς τὴν κοσμοποιαν Σμεῶν Λογοθέτου ἐκ διαφόρων χρονικῶν καὶ ιστοριῶν), завершающаяся рассказом о рождении Каина и Авеля.

¹⁵ S. de Voog. Die Chronik des Logotheten. BZ, Bd. 6, 1897, S. 245. Этой рукописи посвящена специальная работа: F. Lauchert. Zur Textüberlieferung des Georgios Monachos. BZ, Bd. 4, 1895, S. 493 f.

¹⁶ S. de Voog. Weiteres zur Chronik des Logotheten. BZ, Bd. 10, 1901, S. 86 f.

¹⁷ Leonis Grammatici Chronographia. Bonnae, 1842, p. 331. 4—6.

¹⁸ L. F. Tafel. Theodosii Meliteni qui fertur chronographia (Monumenta Saecularia, III. Cl., 1. T). München, 1859.

¹⁹ С. Шестаков. О рукописях Симеона Логофета. ВВ, т. 5, 1898, стр. 19.

²⁰ В. Г. Васильевский. Хроника Логофета на славянском и греческом, ВВ, т. 2, 1895, стр. 78 сл.

почерпнули материал для пополнения хроники Георгия Монаха, или же наоборот, продолжатель хроники Георгия, Симеон Логофет внес только некоторые изменения в работу своего предшественника, решить трудно. К тому же, для поставленных нами целей это не имеет значения. Отметим лишь — о чем мы, впрочем, мимоходом уже говорили — существование как более распространенной, так и более краткой версий хроники Георгия Монаха. По мнению В. Г. Васильевского, распространенная версия хроники возникла в результате пополнения краткой версии переписчиком (редактором), использовавшим хронику Симеона.

Как бы ни решать этот вопрос, несомненно одно: продолжение хроники Георгия Монаха было писано Симеоном Логофетом. В. Г. Васильевский показал уже, что Симеон Логофет довел изложение событий до 948 г.²¹ Это положение доказывается тем, что большинство продолженных рукописей Георгия Монаха обрывается на событиях 948 г., доводя рассказ до смерти императора Романа Лакапина. В тех же рукописях, которые продолжают и далее, при повествовании о событиях 948 г. имеется пометка: *τετέλεσται καὶ τοῦ Λογοφέτου*, т. е. «закончилась и [хроника] Логофета»²².

В. Г. Васильевский, издавая стихотворение Симеона Логофета на смерть Стефана, сына императора Романа I, обратил внимание на интерес хроники Симеона к судьбам сыновей Романа Лакапина. Отметив далее, что хроника Симеона Логофета не упоминает о смерти Стефана (последовавшей, как это видно из хроники Скилицы, в 963 г.), В. Г. Васильевский высказал предположение, что хроника Логофета была написана до 963 г.²³ Мы оставляем сейчас в стороне вопрос о личности автора хроники и в частности — о его тождественности с Симеоном Метафрастом²⁴, — нам важно

²¹ В. Г. Васильевский. Хроника Логофета на славянском и греческом, стр. 97.

²² Москов. рукоп. № 264, л. 205. Э.-Г. Муральт. Хронограф, стр. 851.21. Арх. Владимир (Систематическое описание рукописей Московской синодальной библиотеки, ч. 1. Рукописи греческие. М., 1894, стр. 605) странным образом полагал, что речь идет об императоре Романе II, умершем в 963 г.

²³ В. Г. Васильевский. Два надгробных стихотворения Симеона Логофета, ВВ, т. 3, 1896, стр. 576.

²⁴ В. Г. Васильевский был первым, кто установил, что время жизни Симеона Метафраста приходится на конец X в.: по словам Яхьи Антиохийского, «Симеон, секретарь, логофет, составивший сказания о святых и их праздниках», был современником императора Василия II (976—1025) и патриарха Николая Хрисоверга (979—991) (В. Г. Васильевский. О жизни и трудах Симеона Метафраста, ЖМНП, ч. 212, 1880, стр. 436. Ср. его же. Синодальный кодекс Метафраста, ЖМНП, ч. 311, 1897). Предположения В. Г. Васильевского были подкреплены К. Кекелидзе, который привлек известие грузинского писателя XI в. Ефрема Мцире, сообщавшего, что Симеон, магистр и логофет, «очистивший жития от искажений их еретиками, жил во времена Василия II и проявил себя в шестой год правления этого императора славным писателем». Умер Симеон, по словам Ефрема Мцире, раньше Василия II (К. Кекелидзе. Симеон Метафраст по грузинским источникам. Труды Киевской духовной академии, 1910, кн. 2, стр. 187 сл.). М. Жюжи обратил внимание на то, что Симеон Метафраст использовал сочинение Иоанна Геометра — современника Иоанна Цимисхия (M. Jugie. Sur la vie et les procédés littéraires de Syméon Métaphrastes. EO, v. 26, 1923, p. 5 sq.). Еще более существенным следует признать упоминание о Симеоне, которое мы находим в одном из писем Никифора Урана, видного политического деятеля на рубеже X—XI в. (J. Dagkouzès. Un recueil épistolaire byzantin: le manuscrit de Patmos 706, REB, v. 14, 1956, p. 113); к тому же Никифор Уран написал стихотворение на смерть Симеона Метафраста — см.: S. G. Mercati, Versi di Niceforo Uranos in morte di Simone Metafraste. AV, v. 68, 1950. Наконец, в одном из писем самого Симеона упомянут некто Феодигий, которого Ж. Даррузе отождествляет с афинским митрополитом Феодигием (981—1007) (J. Dagkouzès. Un recueil épistolaire, p. 101 sq.). Все это дает право относить время жизни Симеона Метафраста к концу X в. Ср. еще N. V. Tomadakis. Βίος Σιμεῶνα τὸν Μεταφράστῃν. ΕΕΒΣ, т. 23, 1953, σελ. 132.

Не учитывая работ В. Г. Васильевского и К. Кекелидзе, греческий ученый С. Евстриадис попытался отнести время жизни Симеона Метафраста к XI в. Он полагал, что

в настоящее время отметить, что Симеон Логофет закончил свою хронику между 948 и 963 годами и должен был быть современником событий, описанных им в конце хроники.

Хроника Симеона Логофета (842—948) можно ориентировочно разделить на три части, первая из которых охватывает время правления императоров Михаила III и Василия I, т. е. 842—886 г., вторая — правление Льва VI и Александра (886—913) и третья посвящена малолетству Константина VII Багрянородного и правлению Романа Лакапина; она завершается, как мы уже знаем, рассказом о смерти Романа Лакапина.

Последняя часть хроники имеет определенные следы того, что она написана современником событий: в ней нередко встречаются ссылки на устные свидетельства (*λέγεται*, *φασίν*), автор рассказывает о событиях с большим количеством подробностей и деталей, постоянно приводит, описывая события, точные хронологические даты. Правда, в значительном количестве случаев эти даты переданы неправильно, однако ошибки порождены качеством рукописного предания и по большей части легко исправимы²⁵. Первая точная дата, содержащая указание на месяц и индикт, относится к сентябрю 914 г. — ко взятию болгарским царем Симеоном Адрианополя²⁶.

Первая часть не отличается от второй какими-либо отчетливыми формальными признаками. Однако мы можем обратить внимание на два — на первый взгляд, может быть, второстепенных — моменты, которые заставляют нас особо выделить первую часть. Прежде всего, рукописная традиция истории Михаила III и Василия I чрезвычайно сложна: различные рукописи дают в этой части многообразные варианты. В отличие от этого, вторая и особенно третья части изложены в общем единообразно и содержат лишь второстепенные различия. Кроме того, первая часть в своем основном тексте (исключая позднейшие наслоения) вовсе не упоминает о *prodigia*, т. е. о кометах, землетрясениях и пр.

Установимся прежде всего на обозрении различных изводов хроники Симеона Логофета в той ее части, которая касается правления Михаила III и Василия I. Трудность изучения этого вопроса состоит в том, что у нас нет критического издания текста хроники, тогда как многочисленные рукописи остаются неизданными и доступны лишь в тех произвольных и случайных извлечениях, которые были сделаны теми или иными исследователями. При этом отдельные авторы, обследуя рукописи, иной раз приходили к противоположным результатам, что также затрудняет выводы.

лавская рукопись Δ 71, по почерку датируемая XI в., является автографом Симеона (S. Eustratiadis. *Συμεών Λογοθέτης ο Μεταφράστης*. ЕЕВΣ, т. 8, 1931, сел. 50), что Логофет Симеон, современник Михаила Дуки (1071—78), упомянутый в Paris. 13, л. 381, тождествен Симеону Метафрасту (*ibid.*, р. 55); что в письмах Симеона Метафраста упоминаются события, которые можно отождествить с событиями XI в. (*id.*, 'Ο χρόνος τῆς ἀρχῆς Συμεών τοῦ Μεταφράστου. ЕЕВΣ, т. 10, 1933, сел. 26 ἐξ.). Однако все эти аргументы представляются нам натянутыми и не могут опровергнуть прямых и четких свидетельств, приведенных В. Г. Васильевским и его последователями.

Установив время жизни Симеона Метафраста, В. Г. Васильевский пошел дальше и отождествил обоих Симеонов (В. Г. Васильевский. Хроника Логофета на славянском и греческом, стр. 95). Однако против этого можно было бы высказать некоторые возражения: литературная деятельность Симеона Логофета, автора хроники и эпитафии Стефану, сыну Романа Лакапина, относится к середине X в., тогда как деятельность Симеона Метафраста и Яхья Антиохийский, и Ефрем Мидре относят к концу X в. Вопрос о тождестве Симеонов, следовательно, должен считаться еще открытым.

²⁵ Hirsch, S. 80 f.

²⁶ Э.-Г. Муральт. Хронограф, стр. 805. 14. См.: А. А. Васильев. Византия и арабы, ч. II, СПб., 1902, стр. 198.

Первая редакция представлена изданными московской и парижской²⁷ рукописями, а также так называемыми хрониками Льва Грамматика и Феодосия Мелитинского, которые нельзя считать самостоятельными произведениями; к ним близки флорентийская (Laurent., XX, 1, XI в.)²⁸ и более поздняя мюнхенская (Mopac., 139, XVI в.) рукописи. Из этих списков К. де Боор считал лучшим список Феодосия Мелитинского.

Уже В. Г. Васильевский показал, что славянский перевод хроники Симеона Логофета содержит несколько отличный от этих хроник извод, который он считал более близким к первоначальному тексту. С. П. Шестакову удалось найти в хранилищах древних рукописей некоторые греческие версии, отличные от извода Феодосия Мелитинского; таковы Paris. 854²⁹ и Vatic. 1807³⁰. Опубликование В. И. Срезневским полного текста славянского Логофета³¹ позволило установить, что он чрезвычайно близок к рукописям Paris. 854 и Vatic. 1807; по-видимому, славянский Логофет, Paris 854 и Vatic. 1807 представляют собою второй извод первой редакции³². Оба эти извода отличаются второстепенными разночтениями, которые были подробно рассмотрены в указанных выше работах В. Г. Васильевского, С. П. Шестакова и Г. А. Острогорского. Анализ разночтений приводит к выводу, что извод славянского Логофета ближе к первоначальному тексту, нежели извод Феодосия, но поскольку в отдельных случаях текст Феодосия является более правильным, нельзя все же считать, что оригиналом славянского Логофета была первоначальная хроника Симеона (как полагал В. Г. Васильевский): оба извода дают текст, отличающийся от первоначальной редакции.

К первой редакции примыкает и венская рукопись хроники Симеона Магистра и Логофета (Vindobon. hist. 37, XIV в. *F₁ по классификации Д. Моравчика), которая, по словам С. П. Шестакова, не содержит «сколько-нибудь значительных добавлений к содержанию хроники»³³, за исключением двух вставок: первая из них описывает «нечестивые» развлеченья Михаила III, окружившего себя распутными людьми, которые, «избрав из своей среды патриарха, а правильное сказать начальника забав (καίγυιάρχης)», издевались над церковной службой; другая вставка, объясняющая прозвище патриарха Антония Кавлея, содержится также в венецианской рукописи (Marcian. 608, XV в.) Симеона Логофета и относится уже ко времени правления Льва VI³⁴.

Возможно, что более детальный анализ ряда неизданных рукописей хроники Симеона Логофета мог бы вскрыть наличие еще некоторых изводов в рамках первой редакции, что было бы существенно для установления архетипа рукописей и их взаимоотношения; однако для наших целей важно отметить лишь то, что все эти изводы обнаруживают незначительные разночтения и пропуски, обусловленные произволом переписчиков, но не содержат редакционных различий.

²⁷ Издана в кн.: Theophanes Continuatus, Bonnae, 1838, p. 761 sq.

²⁸ С. de Boor. Die Chronik des Logotheten, S. 239. Обзор рукописей дает также Су. Моравчик. Byzantinoturcica, Bd. I, S. 141.

²⁹ С. Шестаков. Парижская рукопись хроники Симеона Логофета. ВВ, т. 4, 1897, стр. 167 сл.

³⁰ С. Шестаков. О рукописях Симеона Логофета. ВВ, т. 5, 1898, стр. 19 сл.

³¹ В. И. Срезневский. Симеона Метафраста и Логофета списание мира от бытия и летописи собран от различных летописец. СПб., 1905.

³² Г. Острогорский. Славянский перевод хроники Симеона Логофета. «Semipagium Kondakovianum», v. 5, 1932, стр. 17 сл.

³³ С. Шестаков. О рукописях Симеона Логофета, стр. 32.

³⁴ Там же, стр. 32 сл.

В противоположность этому ватиканская рукопись Георгия Монаха (Vatic. 153, XIII в.) и соответствующий ей русский перевод «Книг временных и образных Георгия Мниха» представляют иную редакцию, обладающую значительными дополнениями, — преимущественно в части, касающейся правления Михаила III и Василия I. Ф. Гирш, писавший до того, как был издан полный текст ватиканского Георгия, и знакомый с ним лишь по разночтениям, приведенным Э.-Г. Муральтом в примечаниях к изданию московского хронографа Георгия Монаха, утверждал, что ватиканская рукопись сохранила текст, более близкий к «первоначальному Логофету», нежели рукописи первой редакции, из которых ему были известны лишь три: московская, парижская и мюнхенская; эти рукописи, по мнению Гирша, содержали текст, подвергшийся значительному сокращению³⁵. Однако гипотеза Гирша не подтвердилась.

Значительная часть вставок, имеющихся в ватиканском Георгии, относится к деятельности Никифора Фоки Старшего, представителя аристократического рода Фок. Например, в конце раздела о Василии I введен рассказ о взятии Никифором Фокой Амантии в Южной Италии³⁶. В другом месте мы находим следующую вставку: «Перед этим (πρὸ δὲ τοῦτο) названный Никифор Фока был назначен стратигом западных фем»³⁷. Это πρὸ δὲ τοῦτο свидетельствует, что данная фраза была вставлена в готовый текст. Вставку, посвященную Никифору, мы находим и в рассказе о правлении Льва VI: редактор останавливается на попытке Стилиана Заутцы породниться с Никифором Фокой и на отказе Никифора, что якобы явилось причиной смещения этого полководца с командной должности³⁸.

Особенно интересна вставка, содержащая своего рода генеалогию Фок: ватиканская рукопись, упоминая отца Никифора — Фоку, называет его прадедом «после того царствовавшего императора Никифора» (τοῦ μετὰ ταῦτα βασιλευκότος Νικηφόρου)³⁹. Перфектное причастие βασιλευκῶς передает оттенок дряхлеющего состояния и в какой-то мере позволяет предположить, что эта фраза была написана еще до смерти Никифора Фоки, убитого в ночь с 10 на 11 декабря 969 г. Наконец, ватиканская рукопись упоминает о юности Никифора Фоки Старшего, о его назначении протостратором, о его замке и о его сыне Варде, «который получил титул кесаря в правление своего сына императора Никифора»⁴⁰.

Мы можем предположить, что пересмотр хроники, результатом которого явились указанные нами вставки, был произведен в кругах, близких к Фокам скорее всего в правление императора Никифора II. Следовательно, вторая редакция сложилась уже после 963 г., тогда как первоначальный текст хроники был написан до 963 г.⁴¹

³⁵ Hirsch, S. 49.

³⁶ В. М. Истрин Книги временныя и образныя Георгия Мниха, т. II. Пг., 1922, стр. 24.23.

³⁷ Там же, стр. 22.25.

³⁸ Там же, стр. 28.12.

³⁹ Там же, стр. 20.19.

⁴⁰ Там же, стр. 20.32. См. об этих вставках Н. Grégoire. La carrière du premier Nicéphore Phocas. «Προσφορά εἰς Στ. Κυριακίδην», Θεσσαλονίκη, 1953, p. 240 sq.

⁴¹ Известия об истории Никифора Фоки Старшего и его потомства могли быть заимствованы составителем второй редакции из не дошедшего до нас произведения, подробно рассказывавшего о Фоках. Это произведение явилось одним из основных источников «Историй» Льва Диакона и соответствующей части хроники Скилицы (так называемый «Источник Б») — ср. М. Я. Сюзюмов. Об источниках Льва Диакона и Скилицы. ВО, т. 2, вып. 1, 1916; П. О. Карышковский. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе, ВВ, т. 6, 1953 Следы этой благоприятной Фокам традиции сохранились и в некоторых других византийских произведениях середины X в.

В ватиканском Георгии мы находим и другие вставки; многие из них затрагивают историю тех или иных византийских полководцев: Мануила⁴², кесаря Варды⁴³, стратилата Андрея — победителя павликиан⁴⁴. Этот же интерес к истории византийских полководцев сохраняется и в последующих частях хроники, где имеется подробная вставка, посвященная Константину Дуге⁴⁵.

Наконец, только во второй редакции имеется сентенция, заключающая рассказ о судьбах убийц императора Михаила⁴⁶.

В то же время ватиканская рукопись содержит значительное количество пропусков. Особенно существенен пропуск повествования о набеге болгарского царя Крума на Адрианополь, в результате которого 10 тысяч византийцев было переселено на Дунай (среди них якобы были и предки будущего императора Василия I)⁴⁷. Рукопись опускает и подробности предательства, результатом которого было падение сицилийского города Тавромения⁴⁸.

Такие значительные отличия ватиканской рукописи от рукописей первой редакции заставляют выделить ватиканского Георгия как самостоятельную редакцию хроники Симеона Логофета.

С. П. Шестаков показал, что с текстом Vatic. 153 во многом сходится другая ватиканская рукопись (Vatic. 163, XIII в., копией которой является поздняя Palat. 86), хотя и содержащая значительные вставки⁴⁹, и что «с концом царствования Александра эта произвольная переработка текста в обеих ватиканских рукописях... прекращается и дальнейший текст представляет лишь обычные варианты к тексту московской рукописи»⁵⁰. Далее С. П. Шестаков отметил, что Vatic. 163 сохраняет те вставки Vatic. 153, которые относятся к фамильной истории Фок; при этом Vatic. 163 доходил до описания экспедиции Никифора Фоки на Крит (961 г.), а самое завоевание Крита подготовлялось заметкой, вставленной в рассказ о царствовании Михаила III — по поводу захвата острова арабами⁵¹.

По наблюдению С. П. Шестакова, к обоим ватиканским рукописям близка венская (Vindobon. hist. 40 XI в.), которая в отдельных случаях дает более исправный текст, нежели Vatic. 153. С. П. Шестаков указывает, например, на общий для этих рукописей пропуск рассказа о Круме, очень слабо связанного в первой редакции с основным текстом⁵².

Третья редакция хроники Логофета представлена одной парижской рукописью (Paris, 1712), которую первый ее издатель Комбифис приписал Симеону Магистру. В дальнейшем, однако, ознакомление с рукописью показало, что в тексте хроники, изданной Комбифисом, отсутствовал первый лист с надписанием, взамен которого были подклеены первые листы другой хроники, действительно содержавшей в надписании имя Симеона Магистра. С тех пор эта рукопись получила название хроники

⁴² В. М. Истрин. Книги временныя, стр. 3.4.

⁴³ Там же, стр. 7.12; 12.10.

⁴⁴ Там же, стр. 19.10 и сл.

⁴⁵ Там же, стр. 35.21; 39.20; 40.26.

⁴⁶ Там же, стр. 18.13.

⁴⁷ Э.-Г. Муральт. Хронограф, стр. 724.11—726.6; В. И. Срезневский. Симеона Метафраста списание, стр. 101 сл.

⁴⁸ Э.-Г. Муральт. Ук. соч., стр. 780.18; В. И. Срезневский. Симеона Метафраста списание, стр. 119.

⁴⁹ С. Шестаков. О рукописях Симеона Логофета, стр. 43 сл.

⁵⁰ Там же, стр. 52 сл.

⁵¹ Там же, стр. 59.

⁵² С. Шестаков. О рукописях Симеона Логофета, стр. 60 сл. Д. Моравчик (Gu. Mo g a v c s i k. Byzantinoturcica, Bd., I, S. 141) относит ко второй редакции Vindobon. hist. 40 и Vatic. 153, тогда как в Vatic. 163, по его мнению, смешаны обе редакции.

псевдо-Симеона⁵³. В. Г. Васильевский полагал, что хроника псевдо-Симеона «не имеет непосредственного ближайшего сходства и тем менее тождества» с подлинным основным текстом хроники Логофета⁵⁴. Это мнение В. Г. Васильевского было воспринято такими авторитетными исследователями, как К. Крумбахер и Дж. Бьюри. В отличие от них С. П. Шестаков и Г. А. Острогорский признавали, что хроника псевдо-Симеона, несмотря на все ее особенности, принадлежит к кругу рукописей, которые объединяются общим наименованием «семья Логофета»⁵⁵.

Сравнивая текст хроники псевдо-Симеона с первой редакцией хроники Логофета, можно прежде всего заметить, что история Льва VI и последующих императоров изложена в парижской рукописи лишь со сравнительно небольшими отклонениями⁵⁶, тогда как в рассказе о правлении Михаила III и Василия I отступления весьма значительны. Хроника псевдо-Симеона содержит большое количество вставок, отсутствующих во всех других рукописях. Значительная часть их имеет отношение к патриарху Фотию и содержит резкие нападки на него. Все эти отрывки, относящиеся к Фотию, являются вставками, что доказывается следующими соображениями. Антифотианская тенденция вставок находится в резком несоответствии с благожелательным в целом отношением к Фотию, которое мы встречаем в первоначальном тексте, сохранившемся в частности и в самой хронике псевдо-Симеона. Так, мы находим в ней рассказ о мужественном поведении Фотия, который якобы не допустил в церковь императора Василия I, объявив его грабителем и убийцей, недостойным общения с богом⁵⁷. Далее хроника рассказывает о клевете, возведенной на Льва, сына Василия, епископом Сантаварином, добавляя, что Лев был бы ослеплен, если бы не заступничество Фотия⁵⁸.

Хроника псевдо-Симеона сохраняет эти сообщения, хотя у нас есть все основания считать их недостоверными. Житие Феофано, например, приписывает спасение Льва не Фотию, а этериарху Стилиану Заутце⁵⁹, и это подтверждается тем фактом, что Стилиан действительно играл огромную роль в первые годы правления Льва VI, тогда как Фотий был отправлен в изгнание вслед за Сантаварином.

Таким образом, можно видеть, что первоначальный текст хроники Логофета, сохранный во всех редакциях, не имел анти-фотианской направленности, — наоборот, хроника изображала события в наиболее благоприятном для Фотия виде, даже если это шло в ущерб фактам. Поэтому все те замечания, в которых идет речь о «тирании» Фотия и т. п., следует рассматривать как позднейшие вставки.

К тому же и чисто формальные соображения позволяют считать эти антифотианские выпады вставками: в них, например, встречаются повторения того, о чем уже шла речь в первоначальном тексте. Так, говоря о Сантаварине, редактор хроники псевдо-Симеона добавляет: «Он при Фотии, во время его второй тираннии, сделался епископом Евхаитов»⁶⁰;

⁵³ Издана в *Theophanes Continuatus*, p. 603 sq.

⁵⁴ В. Г. Васильевский. Хроника Логофета на славянском и греческом, стр. 81.

⁵⁵ Г. Острогорский и др. Славянский перевод хроники Симеона Логофета, стр. 18 сл. Тут и литература вопроса.

⁵⁶ Hirsch, S. 323 f.

⁵⁷ *Theoph. Cont.*, p. 688.23. Ср. Э.-Г. Муральт. Хронограф, стр. 754.16.

⁵⁸ *Theoph. Cont.*, p. 697.19. Ср. Э.-Г. Муральт. Ук. соч., стр. 763.17.

⁵⁹ E. Kurtz. Zwei griechische Texte über die hl. Theophano, die Gemahlin Kaisers Leo VI. «Записки императорской АН», VIII сер., т. II, 1898, вып. 2, стр. 11 сл.

⁶⁰ *Theoph. Cont.*, p. 693.15.

редактор вставляет эту фразу, имеющую явно анти-фотианскую направленность, не замечая того, что в первоначальном тексте уже было сказано: «Он после того, при Фотии, сделался архиепископом Евхайтов»⁶¹. В других случаях слова, которыми начинается тот или иной анти-фотианский отрывок, позволяют заключить, что мы имеем дело со вставкой. Например, подробный рассказ о происхождении и карьере Фотия начинается словами: «Следует кое-что поведать и о Фотии»⁶².

Возможно, что эти вставки были заимствованы редактором хроники псевдо-Симеона из какого-то анти-фотианского памфлета, послужившего в то же время источником (в большей или меньшей степени) и таким памятником византийской литературы рубежа IX—X вв., как житие патриарха Евфимия («Псамафийская хроника»)⁶³ и особенно житие патриарха Игнатия, написанное Никитой-Давидом Пафлагоном⁶⁴. Рассказ о кончине императора Василия I, который якобы проклял перед смертью «нечестивого Фотия» и Сантаварина, в хронике псевдо-Симеона текстуально близок к соответствующему месту «Псамафийской хроники»; сопоставление этих текстов свидетельствует, что подробный рассказ псевдо-Симеона о смерти Василия является вставкой, которая заимствована из общего источника с Псамафийской хроникой⁶⁵.

Определенное сходство хроники псевдо-Симеона обнаруживает и с анти-фотианским житием патриарха Игнатия. Подобно псевдо-Симеону, Никита Пафлагон говорит о тирании Фотия; он рассказывает о низложении друга Фотия, сиракузского архиепископа Григория Асвесты, за преступление против канонов⁶⁶ — это (довольно неправдоподобное) известие о низложении Асвесты мы находим и в хронике псевдо-Симеона⁶⁷. В обоих памятниках мы встречаем рассказ о мошеннической проделке Фотия, который якобы составил мнимую генеалогию Василия I, возводя род императора к армянскому царю Трдату — составление этой вымышленной генеалогии послужило началом сближения между низложенным патриархом и императором⁶⁸.

Эти сопоставления показывают, что не следует считать хронику псевдо-Симеона абсолютно независимой от жития Игнатия, как это утверждал например, А. Фохт⁶⁹; и составитель хроники, и Никита, и анонимный псамафийский монах использовали не дошедший до нас анти-фотианский памфлет, но, видимо, более самостоятельный автор — Никита Пафлагон — переработал этот памфлет, освободившись от тех нелепых басен, которые доверчиво пересказывает редактор хроники псевдо-Симеона.

Обширные отрывки из этого памфлета, сохранившиеся в хронике псевдо-Симеона, позволяют довольно хорошо представить себе время составления и характер этого любопытного памятника. Как мы уже знаем, анти-фотианский памфлет рассказывал о смерти Василия I и, следовательно, не мог быть написан ранее 886 г. В то же время он был использо-

⁶¹ Theoph. Cont., p. 692.21.

⁶² Ibid., p. 668.15.

⁶³ C. de Boor. Vita Euthymii. Berlin. 1888. Новое издание с английским переводом: P. Karlin-Hayter. Vita S. Euthymii. Byz., v. 25—27, 1955—1957.

⁶⁴ PG, t. 105, col. 488 sq.

⁶⁵ См. наше предисловие к русскому переводу «Псамафийской хроники» [«Две византийские хроники X века» (печатается)].

⁶⁶ PG, t. 105, col. 512.13.

⁶⁷ Theoph. Cont., p. 671.2. Здесь, правда, низложение приписано не римскому папе (как у Никиты), а патриарху Мефодию. Ср. F. Dvornik. The Photian schism. Camb., 1948, p. 21.

⁶⁸ Theoph. Cont., p. 689.5; PG, t. 105, col. 565.C.

⁶⁹ A. Vogt. Basile Ier, empereur de Byzance, et la civilisation byzantine. Paris, 1908, p. 233.

ван Никитой Пафлагоном и автором «Псамафийской хроники»; оба эти писателя жили в правление императора Льва VI и в начале правления Константина VII⁷⁰, — поэтому было бы естественно предположить, что памфлет был составлен в правление Льва VI и, скорее всего, в начале этого правления, в период разгрома фотиан. Ориентировочно мы могли бы датировать его концом IX в. Это подтверждается и тем, что автор памфлета мог ссылаться на свидетельства очевидцев — современников Фотия и, в частности, на некоего Иоанна Молчальника⁷¹, т. е., по-видимому, был младшим современником Фотия.

Антифотианский памфлет передает множество разнообразных слухов, которые могли ходить в народе: относительно рождения Фотия⁷², о тех зловещих предсказаниях, которые якобы были даны великими праведниками матери Фотия незадолго до его рождения⁷³. Более осведомленный Никита отказался, как мы уже говорили, от этих легенд. Вместе с тем в памфлете нередко встречались упоминания простых людей, шла речь о ремесленнике (ἐργαστηριακός)⁷⁴ или о рабах (δούλοι), которые требовали увеличения отпускавшегося им продовольствия⁷⁵. Возможно, следовательно, что анти-фотианский памфлет, послуживший для составителя хроники псевдо-Симеона важнейшим источником при переработке хроники Логофета, возник в демократической среде, далекой от придворной жизни.

Помимо почерпнутых из анти-фотианского памфлета, в хронике псевдо-Симеона имеются и другие вставки. Одна из больших вставок описывает беспутное поведение Михаила III и прежде всего — историю «патриарха» Грилла⁷⁶; другая рассказывает о низложении иконоборческого патриарха Иоанна⁷⁷. О том, что последний отрывок является вставкой, свидетельствуют и открывающие его слова, и повторное упоминание в нем монастыря ἐν τῷ Κλειδίῳ⁷⁸. Обе эти вставки почерпнуты, по-видимому, из каких-то других источников.

Далее, в хронике псевдо-Симеона имеются некоторые места, общие с ватиканским Георгием и отсутствующие в то же время в первой редакции Логофета. Сюда относится описание наружности императора Василия I⁷⁹, рассказ о возмущении Орифы — стратига флота, который хотел отомстить Василию I за убийство Михаила III, но вскоре примирился с императо-

⁷⁰ «Псамафийская хроника» была составлена, по-видимому, вскоре после 920 г. (см. наше предисловие к ее русскому переводу). Сложнее решается вопрос о времени составления жития Игнатия. По мнению X. Лопарева (Греческие жития святых VIII—IX вв. Пг., 1914, стр. 513 сл.), Никита Пафлагон родился около 828 г. и написал житие Игнатия в конце IX в. Ф. Дворник [F. Dvornik. The Photian schism, p. 273; ср. G. da Costa Louillet. Saints de Constantinople aux VIIIe, IXe, Xe siècles. Byz., v. 24, 1954 (1952), p. 461 sq.] отнес составление жития ко времени патриаршества Стефана (886—893). Однако эти соображения вызывают ряд возражений. В житии Игнатия идет речь о «преемниках Фотия» (во множественном числе. — PG, t. 105, col. 573. C) — следовательно, оно было составлено уже после смерти Стефана, непосредственного преемника Фотия. К тому же К. Крумбахер указал, что литературная деятельность Никиты-Давида Пафлагона продолжалась еще в правление Константина VII (K. Krumphacher. Der hl. Georg. München, 1911, S. 182). Таким образом, и рождение Никиты следует отнести к более позднему времени, чем это делал Лопарев. Сложного вопроса о тождестве автора жития Игнатия с ересиархом Никитой Пафлагоном, о котором идет речь в «Псамафийской хронике», мы здесь не затрагиваем.

⁷¹ Theoph. Cont., p. 672.11.

⁷² Ibid., p. 668.15.

⁷³ Ibid., p. 669.2.

⁷⁴ Ibid., p. 674.5.

⁷⁵ Ibid., p. 673.14.

⁷⁶ Ibid., p. 659.1—665.2.

⁷⁷ Ibid., p. 647.18.

⁷⁸ Ibid., p. 649.3. Ср. ibid., p. 647.11.

⁷⁹ Ibid., p. 686.12; В. М. Истрин. Книги временныя, стр. 24.20.

ром⁸⁰, повествование об изуродовании икон патриархом Иоанном⁸¹. Вместе с тем в хронике псевдо-Симеона имеются и пропуски, характерные также и для ватиканского Георгия: например, опущена вставка первой редакции о набеге Крума на Адрианополь. Из этого, однако, было бы поспешно делать вывод, что редактор хроники псевдо-Симеона переработал текст ватиканской рукописи или близкий к нему иной текст второй редакции. Текстологическое сравнение показывает, что в отдельных случаях псевдо-Симеон сохраняет текст, более близкий к первой редакции, нежели к ватиканскому Георгию. Приведем один пример, иллюстрирующий это положение:

Э. Г. Муральт, *Chrono-Theoph. Cont.*, p. 657. В. М. Истрин. Книги граф, стр. 728.19 12 временныя, стр. 6.23

<p>Βάρδας δὲ ὁ Καῖσαρ ἐφιλιώθη Δαμιανῶ πατρικίῳ καὶ παρακοιμώμένῳ. Ὁ δὲ τὸν βασιλέα κρατήσας ἐπέισε τοῦ εἰσαγαγεῖν τὸν Βάρδαν ἐν τῇ πόλει.</p>	<p>Βάρδας ὁ Καῖσαρ ἔξω τῆς πόλεως κίω καὶ παρακοιμώμένῳ, ὅς τὸν νον δεξιωσάμενος, βασιλέα κρατήσας ἐπέισεν εἰσελθεῖν ἐν τῇ πόλει τὸν Βάρδαν δυσωπήσας, ἐπέισε τὸν Βάρδαν καὶ εἰς τὸ παλάτιον ἔρχεσθαι. ἐν τῇ πόλει εἰσαγαγεῖν.</p>	<p>Βάρδας δὲ ὁ Καῖσαρ τὸν πατρικίον Δαμιανὸν καὶ παρακοιμώμενον καὶ δεξιωσάμενος, φίλος αὐτῷ ἐπέισεν εἰσελθεῖν ἐν τῇ πόλει τὸν Βάρδαν δυσωπήσας, ἐπέισε τὸν Βάρδαν καὶ εἰς τὸ παλάτιον ἔρχεσθαι. ἐν τῇ πόλει εἰσαγαγεῖν.</p>
--	--	--

Более того, в отдельных случаях хроника псевдо-Симеона дает текст, который, отличаясь от извода Феодосия Мелитинского, совпадает с лучшим изводом первой редакции — с изводом славянского Логофета⁸². В то же время нельзя считать, что одна из рукописей этого извода послужила источником для редактора хроники псевдо-Симеона, ибо текст этой хроники не содержит некоторых ошибок, общих для извода славянского Логофета. Например⁸³:

Paris, 854 (Vatic. 1807)

Φιλόθεος δὲ πρωτοσπαθᾶριος καὶ Γεώργιος, προσφιλῆς αὐτῷ ὢν, εἶπεν τῷ Καίσαρι

В. И. Срезневский. Симеона Метастафаста списание, стр. 107

Филозеи же протоспаварие и Георгиие, госте съжде кесарѣ, рѣста къ немѣ.

Theoph. Cont., p. 678. Э. Г. Муральт, *Chrono-Theoph. Cont.*, p. 678. В. М. Истрин. Книги граф, стр. 741.10 17 временныя, стр. 13.8

<p>Φιλόθεος δὲ πρωτοσπαθᾶριος καὶ γενικὸς προσφιλῆς αὐτοῦ ὢν λέγει τῷ Καίσαρι</p>	<p>Φιλόθεος δὲ πρωτοσπαθᾶριος καὶ γενικὸς προσφιλῆς αὐτοῦ ὢν εἶπε τῷ Καίσαρι</p>	<p>Φιλόθεος δὲ πρωτοσπαθᾶριος καὶ γενικὸς προσφιλῆς ὢν αὐτῷ, ἐφη, . . .</p>
---	--	---

В данном случае, как и в некоторых других, хроника псевдо-Симеона дает более правильное чтение (γενικός), нежели извод славянского Логофета⁸⁴. Все это показывает, что редакция псевдо-Симеона опирается не на какой-либо извод хроники Логофета, но на ее древнейший текст. Не являясь переработкой первой или второй редакции, хроника псевдо-Симеона восходит к древнейшему тексту хроники Логофета, хотя она и засорена позднейшими вставками⁸⁵.

Предположение о большой близости этой хроники к оригиналу Логофета подтверждается анализом так называемых «пропусков» хроники псевдо-Симеона.

⁸⁰ *Theoph. Cont.*, p. 687.7; В. М. Истрин. Книги временныя, стр. 17.23.

⁸¹ *Theoph. Cont.*, p. 647.11; В. М. Истрин. Ук. соч., стр. 3.13.

⁸² Г. Острогорский. Славянский перевод хроники Симеона, стр. 31 и др.

⁸³ Ср. там же, стр. 27 сл.

⁸⁴ Ср. *Sp. Lambros. Zu Symeon Magister. BZ, Bd. 6. 1897, S. 507.*

⁸⁵ Д. Серрюн пришел к выводу, что хроника псевдо-Симеона особенно близка к Paris. 854, но содержит более полный текст, нежели эта последняя (*D. Serrius. Recherches sur l'Épitomé. BZ, Bd. 16, 1907, p. 14 sq.*).

В хронике псевдо-Симеона мы не находим, прежде всего, двух эпизодов военной истории: неудачного похода Стипиота против Тарса⁸⁶ и похода протовестиария Прокопия с войсками западных фем в Сицилию, — похода, окончившегося предательским убийством Прокопия, погибшего от руки Апостипа⁸⁷. О протовестиарии Прокопии первая редакция хроники Логофета упоминает еще в одном эпизоде, отсутствующем у псевдо-Симеона: в рассказе об убийстве им сестры Михаила III — Феклы⁸⁸. На месте последнего эпизода в хронике псевдо-Симеона имеется вставка, содержащая этимологию названий Сатир и Анателлон и рассказы о дворце Вриант, выстроенном императором Феофилом, и об охоте императора Никифора⁸⁹. Наконец, к этой же группе пропусков следует отнести и отсутствие упоминания Стипиота в повествовании о царствовании Льва VI, — хотя его называют в соответствующем месте другие редакции⁹⁰.

Все эти эпизоды связаны определенной общностью. Трудно допустить, что они были удалены составителем хроники псевдо-Симеона, почему-либо пристрастно относившимся к Прокопию и Стипиоту. Скорее наоборот, их следует признать вставками, внесенными в основной текст кем-либо из лиц, так или иначе заинтересованных судьбой Стипиота и Прокопия, тогда как редактор хроники псевдо-Симеона пользовался хроникой Логофета еще до внесения в нее этих добавлений. Как бы то ни было, нет никаких оснований утверждать, что в данном случае именно псевдо-Симеон удаляется от основного текста. Однако в хронике псевдо-Симеона имеется другая группа «пропусков», дающая гораздо более достоверный материал для суждения о соотношении третьей редакции и основного текста хроники Логофета.

Хроника псевдо-Симеона не содержит ряда упоминаний о событиях, имевших место уже после смерти императора Василия I. Так, она сообщает, что Никита Ксилитин, стольничий, был пострижен в монахи при Василии I⁹¹; первая и вторая редакции добавляют, что при Льве VI он стал экономом Великой церкви, а после смерти был погребен в основном им монастыре⁹². Псевдо-Симеон упоминает только о начале второго патриаршества Фотия⁹³ — другие редакции добавляют, что Фотий, умерший в изгнании, был похоронен в монастыре св. Иеремии⁹⁴. О том, что данное место является несомненной вставкой, свидетельствует то обстоятельство, что эти редакции уже после рассказа о похоронах Фотия возвращаются к повествованию о его изгнании⁹⁵. Далее псевдо-Симеон упоминает о награждении Николая Андросалита, просмонария монастыря св. Диомида⁹⁶, — хроники первой редакции добавляют к этому известие о смерти

⁸⁶ Э.-Г. Муральт. Хронограф, стр. 764.8; В. М. Истрин. Книги временныя, стр. 23.30.

⁸⁷ Э.-Г. Муральт. Ук. соч., стр. 761.15. Ватиканская рукопись приводит этот эпизод со значительными расхождениями, упоминая, в частности, Никифора Фоку; В. М. Истрин. Ук. соч., стр. 22.27.

⁸⁸ Э.-Г. Муральт. Ук. соч., стр. 758.1; В. М. Истрин. Ук. соч., стр. 21.17.

⁸⁹ Theoph. Cont., 690.17. Э. Брукс предположил, что речь идет о Никифоре I (802—811) (E. W. Brooks. On the date of the first four books of the Continuator of Theophanes. BZ, Bd. 10, 1901, p. 416 f.).

⁹⁰ Э.-Г. Муральт. Ук. соч., стр. 778.19; В. М. Истрин. Ук. соч., стр. 30.15.

⁹¹ Theoph. Cont., p. 691.17.

⁹² Э.-Г. Муральт. Ук. соч., стр. 759.16; В. М. Истрин. Ук. соч., стр. 22.1.

⁹³ Theoph. Cont., p. 692.12.

⁹⁴ Э.-Г. Муральт. Ук. соч., стр. 760.17; В. М. Истрин. Ук. соч., стр. 22.16.

⁹⁵ Э.-Г. Муральт. Ук. соч., стр. 767.3; В. М. Истрин. Ук. соч., стр. 25.13.

⁹⁶ Theoph. Cont., p. 691.10.

и погребении Николая Андросалита⁹⁷, отсутствующее в ватиканской рукописи Георгия Монаха, которая в данном случае передает версию, близкую к хронике псевдо-Симеона⁹⁸. Несмотря на то, что рассказ о клевете Сантаварина на царевича Льва изложен у псевдо-Симеона подробнее, хроники первой и второй редакций содержат одну фразу, отсутствующую у псевдо-Симеона: «Был ослеплен протовестиарий Никита Эладик, который стал при Романе [Лакапине?] папием»⁹⁹. Наконец, в самом начале повествования о правлении Льва VI, в описании судьбы Сантаварина, хроники первой и второй редакций добавляют замечание о малолетстве Константина VII, правившего вместе с матерью Зоей¹⁰⁰.

Хроника псевдо-Симеона в первой части лишь однажды упоминает о событиях, совершившихся после смерти императора Василия I: она называет Феофилакта Авастакта «отцом после того царствовавшего Романа»¹⁰¹. Было бы логичным допустить, что это единственное упоминание более поздних событий явилось вставкой позднейшего справщика, перенесшего ее сюда из какой-либо другой рукописи.

Наблюдение за характером «пропусков» хроники псевдо-Симеона приводит нас к следующему заключению. Источник, которым пользовался псевдо-Симеон в первой части (если не говорить об анти-фотианском памфлете конца IX в.), не упоминал фактов, *относящихся к правлению Льва VI и Романа I*, — лишь в дальнейшем они были вставлены в хроннику Логофета. Следовательно, мы можем предположить, что этот источник возник в самом начале правления Льва VI. Иными словами, мы не вправе его отождествлять с хроникой Логофета в ее завершенном виде. Так как этот же источник лег в основу хроники Логофета, то мы вправе дать ему условное название пра-текста первой части хроники Логофета. Для восстановления этого пра-текста в основном следует привлекать, как мы видим, первую и третью редакции: хроника псевдо-Симеона — вопреки отрицательному суждению о ней, высказанному Ф. Гиршем и с тех пор прочно удерживавшемуся в науке, — сохранила во многих случаях *первоначальный* текст и не является искаженной переработкой хроники Логофета.

Для восстановления пра-текста первой части хроники Логофета имеет большое значение анализ тех мест, в которых первая редакция приводит распространенную, а псевдо-Симеон — краткую версию. Таков, например, рассказ о походах Феоктиста на Крит и в Мавропопос (Мавропотам) против арабов. Краткий рассказ псевдо-Симеона проникнут отчетливо выраженным отрицательным отношением к Феоктисту, которого автор изображает не только виновником поражения, но еще и клеветником, представившим Варду ответственным за разгром ромеев¹⁰². Первая редакция, сохраняя все эти суждения о Феоктисте, добавляет много нового и в том числе неожиданную характеристику Феоктиста, как вернейшего и ближайшего к императрице человека¹⁰³; эта характеристика, идущая вразрез с суждениями общего обеим редакциям текста, позволяет догадываться о взаимоотношениях этих редакций: текст первой редакции, скорее всего, является

⁹⁷ Э.-Г. Муральт. Хронограф, стр. 759.1; В. И. Срезневский. Симеона Магистра списание, стр. 112.

⁹⁸ В. М. Истрин. Книги временных, стр. 21.27.

⁹⁹ Э.-Г. Муральт. Ук. соч., стр. 763.12; В. М. Истрин. Ук. соч., стр. 23.21.

¹⁰⁰ Э.-Г. Муральт. Ук. соч., стр. 770.7; В. М. Истрин. Ук. соч., стр. 26.26.

¹⁰¹ Theoph. Cont., p. 690.10. Ср. Э.-Г. Муральт. Ук. соч., стр. 755.10 и В. М. Истрин. Ук. соч., стр. 19.4.

¹⁰² Theoph. Cont., p. 654.12.

¹⁰³ Э.-Г. Муральт. Ук. соч., стр. 722.2.

расширением пра-текста, в данном случае лучше сохраненного в краткой версии псевдо-Симеона.

Что же представлял собою пра-текст первой части хроники Логофета? По своему содержанию это был рассказ об императоре Василии. Все три редакции, отражая тем самым пра-текст, отводят Василию ведущее место даже в истории Михаила III. Даже краткая версия третьей редакции уделяет много внимания истории появления Василия в Константинополе¹⁰⁴, укрощению дикого коня¹⁰⁵, назначению Василия протостратором¹⁰⁶, связи Василия с Евдокией Ингериной¹⁰⁷ и другим о нем сведениям. События до совершеннолетия Михаила III и появления Василия в Константинополе остаются совершенно темными: кроме походов Феоктиста, смерти патриарха Мефодия в 847 г. и набегов болгар на Фракию, хроника Логофета не знает других событий от восстановления иконопочитания до переворота кесаря Варды в 856 г., т. е. за двенадцать лет. Чтобы заполнить эту пустоту, хронист произвольно перемещает события, относя к этому периоду факты, которые заведомо не могли иметь тогда места. Он рассказывает, например, о связи Михаила III с Ингериной¹⁰⁸ прежде, чем о смерти патриарха Мефодия¹⁰⁹, что совершенно невероятно, ибо к моменту смерти Мефодия императору было около шести лет!

Исходя из того, что первая часть хроники Логофета почти совершенно не знает событий до появления в Константинополе Василия, мы могли бы предположить, что пра-текст первой части хроники либо сам представлял, либо — скорее всего — опирался на не дошедшее до нас жизнеописание императора Василия, начинавшееся, по-видимому, с появления его в столице. Но если пра-текст первой части хроники Логофета и представлял собой жизнеописание Василия, он отнюдь не являлся панегириком императору. Автор относился к императору со скрытой недоброжелательностью; он подробно останавливался на военных неудачах византийцев, на той каре, которая постигла убийц Михаила III; он описывал грязные отношения, существовавшие между Михаилом, Василием и Евдокией Ингериной, и называл даже Константина сыном Михаила, хотя последнее мало вероятно¹¹⁰. В то же время, как мы уже знаем, автор пра-текста сочувственно относился к Фотию.

Эти политические симпатии и антипатии автора позволяют нам предположить, что пра-текст первой части хроники Логофета («Жизнеописание Василия») возник в среде учеников Фотия, быть может, в кругах, близких к Арефе Кесарийскому, который, как известно, в своих схолиях к древним рукописям не раз высказывал недовольство политикой Василия I¹¹¹. Этот пра-текст возник в период между смертью Василия I (886 г.) и смертью патриарха Фотия, оставшейся, как мы видели, неизвестной автору пра-текста. Поскольку же Фотий умер, примерно, в 891—897 гг.¹¹², возникновение «Жизнеописания Василия» должно быть отнесено к 887—897 гг.

¹⁰⁴ Theoph. Cont., p. 655.19.

¹⁰⁵ Ibid., p. 655.7.

¹⁰⁶ Ibid., p. 675.9.

¹⁰⁷ Ibid., p. 675.13.

¹⁰⁸ Ibid., p. 655.1.

¹⁰⁹ Ibid., p. 657.7.

¹¹⁰ Hirsch, S. 63. Константин, любимый сын Василия I, был, как предполагает А. Адонт, его ребенком от первого брака (до связи с Ингериной) — N. Adontz. L'âge et l'origine de l'empereur Basile I. Byz., v. 8, 1933, p. 501 sq. Ср. G. Ostrogorsky. History, p. 207, n. 1.

¹¹¹ J. Bidez. Aréthas de Césarée. Byz., v. 9, 1934, p. 402.

¹¹² Ф. М. Россейкин. Первое правление Фотия, патриарха константинопольского. Сергиев Посад. 1915, стр. 3, прим. 2.

Вторая часть хроники Логофета, как мы уже указали, не имеет таких значительных расхождений в различных редакциях, как первая часть. Сопоставление хроники псевдо-Симеона с другими рукописями не вскрывает в этой части значительных различий, особенно если историю Сантаварина отнести, как мы уже сделали выше, к первой части: хроника псевдо-Симеона излагает лишь более краткую версию, нежели остальные рукописи. В настоящее время нет возможности решить, представлял ли пра-текст второй части хроники краткую или пространную редакцию.

При решении вопроса об источниках второй части хроники Логофета можно отметить, что автор ее не пользовался «Псамафийской хроникой». Патриарху Евфимию — герою «Псамафийской хроники» — Логофет уделяет незначительное место. Кроме того, и при описании многих событий изложение в обоих источниках ведется по-разному¹¹³.

Для того, чтобы выяснить характер источников второй части хроники Логофета, остановимся на вопросе о prodigia. В первой части хроники Логофета prodigia упоминаются дважды. Псевдо-Симеон в рассказе о Фотии говорит вскользь о большом землетрясении¹¹⁴, которое произошло, по-видимому, вскоре после низложения патриарха Игнатия (858 г.). Но об этом землетрясении редактор хроники псевдо-Симеона узнал из анти-фотианского памфлета — иначе говоря, в пра-тексте первой части хроники это землетрясение не упоминалось. Второй факт — грандиозное землетрясение, начавшееся в 869 г., в праздник св. Полиевкта (9 января), и продолжавшееся 40 дней; оно отмечено во всех редакциях¹¹⁵, и следовательно, было упомянуто в пра-тексте. Однако хроника ничего не говорит о втором землетрясении, имевшем место в октябре¹¹⁶. Далее, хроника относит январское землетрясение ко времени до низложения Фотия, тогда как из письма самого Фотия мы узнаем, что землетрясение, «превратившее город в могилу», произошло уже не в его правление¹¹⁷.

Естественно предположить, что в основе пра-текста первой части не лежали какие-либо погодные записи, которые по самой своей природе должны отмечать прежде всего prodigia: известия же о грандиозном землетрясении 869 г. долго сохранялись в памяти константинопольского населения. В синаксаре Константинопольской церкви 9 января отмечено, как день памяти о великом землетрясении, которое в царствование Василия разрушило храм богородицы и другие здания¹¹⁸. Это предположение тем более вероятно, что нам известны по другим памятникам некоторые землетрясения, не отмеченные пра-текстом хроники Логофета: мы уже говорили о землетрясении в октябре, которое упомянуто в житии Игнатия; другое землетрясение произошло около 879 г., в двенадцатый год царствования Василия I¹¹⁹. К этому списку надо присоединить еще землетрясение, случившееся при Михаиле III и отмеченное в анти-фотианском памфлете, сохраненном у псевдо-Симеона. Все это подтверждает, что хроника Логофета в первой части не интересуется prodigia и, следовательно, не опирается на погодные записи, на анналы в узком смысле этого слова.

¹¹³ Ср., например, описание избиения патриарха Евфимия сторонниками Николая Мистика (Э.-Г. Муральт. Хронограф, стр. 795.14; С. de Voog. Vita Euthymii, p. 64.22).

¹¹⁴ Theoph. Cont., p. 673.9.

¹¹⁵ Ibid., p. 688.14. См. V. Grumel. La chronologie. Paris, 1958, p. 479.

¹¹⁶ PG, t. 105, col. 549. A—B.

¹¹⁷ Ibid., 102, col. 873. A.

¹¹⁸ H. Delehaye. Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae. Bruxelles, 1902, p. 380.19.

¹¹⁹ Ibid., p. 292.27. Это известие отсутствует в списке В. Грюмеля (V. Grumel. La chronologie, p. 479).

Совершенно по-иному относится к prodigia вторая часть хроники. Она отмечает солнечное затмение¹²⁰, точная датировка которого содержится в синаксаре: оно имело место 8 августа 891 г.¹²¹ Далее хроника дважды отмечает появление кометы: при Льве VI¹²² и при Александре¹²³. Первая из них, наблюдавшаяся в течение 40 дней, появилась в год рождения Константина Багрянородного (905 г.), память о чем сохранило и позднейшее предание¹²⁴. Вторая, явившаяся в 912 г., была видна 15 дней¹²⁵.

Интерес к prodigia и точная фиксация их во второй части хроники Логофета позволяют предположить, что пра-текст этой части опирался на погодные записи. Византийцы были знакомы с погодными записями типа анналов: об этом свидетельствует, в частности, структура хроники псевдо-Симеона, где изложение событий обычно начинается с указания: «В такой-то год». Правда, даты псевдо-Симеона произвольны и ошибочны; они, скорее всего, были вставлены в уже наличный текст, тем самым внося в изложение материала путаницу, — но все же такой способ изложения доказывает знакомство автора с погодными записями.

Подводя итоги рассмотрению истории текста хроники Логофета, мы можем предложить следующую гипотезу. Эта хроника, охватывающая 842—948 гг., не возникла сразу в готовом виде, в качестве продолжения хроники Георгия Монаха. Первоначально сложилось в среде учеников Фотия (?) «Жизнеописание императора Василия», которое легло в основу пра-текста первой части; затем к первой части была присоединена вторая, которая, быть может, опиралась на погодные записи типа анналов, — однако о природе этих записей мы не в состоянии судить; наконец, третья часть была написана Симеоном Логофетом на основании его собственных наблюдений или со слов современников. Так возник пра-текст первой редакции, разделившейся в дальнейшем на ряд изводов. Этот пра-текст был оформлен около 948—963 гг. и послужил материалом для распространенной версии. Пра-текст первой редакции (в краткой форме) был переработан человеком, привлеком антифотианский памфлет: результатом этой обработки явилась хроника псевдо-Симеона. Ее составитель не ограничился переработкой первой части хроники Логофета: он переработал также и текст хроники Георгия Монаха в той ее части, которая относится к первой половине IX в. Для этого он привлек дополнительные источники, в частности, анонимного автора, условно называемого *Scriptor incertus de Leone*¹²⁶. Редактору был известен и пра-текст последних частей хроники Логофета: поэтому в некоторых случаях псевдо-Симеон дает лучшее чтение, чем рукописи первой редакции, например: *Μουσελέ* вместо *Μωσελέ*, *Κουρκούας* вместо *Κροκόας* и т. д.

Наконец, вскоре после 963 г., распространенная хроника подверглась переработке, результатом которой явилась вторая редакция хроники Логофета с ее интересом к истории Фок. На базе этой второй редакции возникла третья часть хроники продолжателя Феофана — но рассмотрение этой хроники должно стать предметом особого исследования¹²⁷.

¹²⁰ Э.-Г. Муральт. Хронограф, стр. 770.16.

¹²¹ H. Delehaue. Op. cit., p. 878. 9.

¹²² Э.-Г. Муральт. Ук. соч., стр. 786.13.

¹²³ Там же, стр. 797.3.

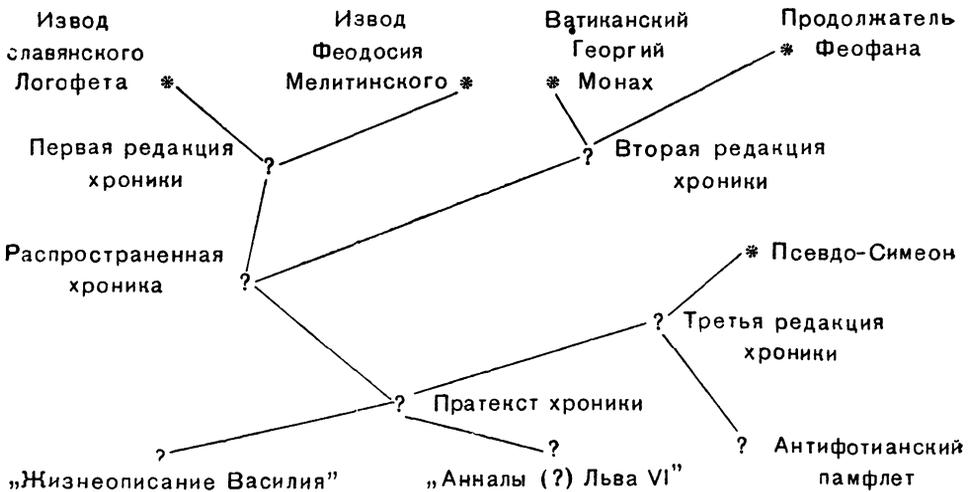
¹²⁴ Leo Diaconus. Historia. Bonnae, 1828, p. 5.16.

¹²⁵ Грюмель отмечает кометы 864, 868, 869, 877, 891, 892, 900 гг. (V. Grumel. La chronologie, p. 471 sq.).

¹²⁶ Hirsch, S. 332; J. B. Burg. A source of Symeon Magister, BZ, Bd. I, 1892, S. 572 f.

¹²⁷ Насколько нам известно, в настоящее время О. В. Юревич (Варшава) готовится критическое издание хроники продолжателя Феофана.

Позволим себе предложить следующую схему:

Сложность состава хроники Логофета делает чрезвычайно затруднительным изучение политических взглядов ее автора: мы уже имели возможность убедиться, что в сохранившихся рукописях имеются противоречивые суждения об одном и том же лице, объясняющиеся тем, что в хронике сплошь да рядом механически объединяются различные и противоречивые источники. Поэтому, говоря о политических взглядах *Симеона Логофета*, мы должны иметь в виду пра-текст хроники. Наиболее ясный материал для суждения о политических взглядах Симеона Логофета может дать, разумеется, третья часть хроники, написанная автором на основании личных наблюдений.

Автор был сторонником Романа Лакапина. Он подчеркивает мужество императора, которое тот проявил при виде болгарских полчищ¹²⁸; самого болгарского царя Симеона он заставляет хвалить перед своими «мегистанами» разум и скромность византийского императора¹²⁹; Логофет прославляет Романа за заботливость, проявленную по отношению к беднякам в трудные годы¹³⁰. Говоря о поражении византийцев при Ахелое, Логофет умалчивает о виновнике поражения, тогда как другие источники считают им Романа Лакапина¹³¹. Уже эти факты показывают пристрастное отношение хроники к Роману¹³², и напрасно Ф. Гирш стремился это отрицать. Но еще более отчетливо проступает пристрастность Логофета в его отношении к другим политическим деятелям. В рассказе о восстании 913 г. он резко осуждает Константина Дуку, изображая его виновником резни, всегда стремившимся овладеть престолом¹³³, — другие современные источники иначе оценивали роль Константина в этих событиях. Логофет не интересуется успехами других представителей провинциальной феодальной знати: грандиозные победы Иоанна Куркуаса обрисованы кратко и суммарно¹³⁴, хотя современники уделяли им пристальное внимание и о них

¹²⁸ Э.-Г. Муральт. Хронограф, стр. 826.17.

¹²⁹ Там же, стр. 828.16.

¹³⁰ Там же, стр. 835.24.

¹³¹ Liutprandus. Antapodosis, III, 27; Leo Diaconus. Historia, p. 124 sq.

¹³² Hirsch. S. 85. Sp. ibid., S. 78 f.

¹³³ Э.-Г. Муральт. Ук. соч., стр. 799 сл.

¹³⁴ Hirsch, S. 85.

была написана специальная книга, известная еще Скилице; о деятельности Никифора Фоки Старшего при Льве VI он и вовсе умалчивает, несмотря на значительные успехи этого полководца, отраженные в частности, в так называемой «Тактике Льва»¹³⁵.

Таким образом, отношение Логофета к трем крупнейшим аристократическим родам: Дукам, Фокам и Куркуасам — может быть охарактеризовано как настороженное, если не прямо отрицательное. С этим отношением Логофета к родовитой знати прекрасно гармонирует его представление о том, что душевное благородство (ἡ κατὰ ψυχὴν εὐγένεια) является высшей ценностью в сравнении с родовитостью (σχημικὴ εὐγένεια)¹³⁶. По-видимому, Симеон Логофет принадлежал к той части византийской аристократии, которая была близка к императорскому двору и с опаской смотрела на рост могущества провинциальных родов¹³⁷.

Настороженная позиция по отношению к знатым феодальным родам сочеталась у Логофета с резко отрицательным отношением к народным движениям и, в частности, к восстанию Василия Медной руки.

Интересные данные о Симеоне Логофете мы находим в мадридской рукописи хроники Иоанна Скилицы, где сохранены стихи, в надписании которых сказано, что они составлены Симеоном, патриkiem и асикритом, а ныне (νυνί) магистром и логофетом солдат, в честь императора Константина Багрянородного¹³⁸. По-видимому, Симеон не только удержался при дворе Константина VII, но и получил повышение в чинах: именно в это время он получает титулы магистра и логофета, которые присвоены ему в надписании некоторых рукописей хроники.

Интерес и почтение к Роману Лакапину Симеон Логофет сохранил и в это время: после смерти Стефана — сына Романа, — скончавшегося в заточении в 963 г., Симеон составил ему эпитафию, в которой писал о низложении Романа Лакапина сыновьями и называл божественной карой последовавшую затем ссылку Стефана¹³⁹.

Мы можем таким образом констатировать, что хроника Симеона Логофета, отражающая византийскую историю 842—948 гг., дошла до нас в трех редакциях. Пра-текст хроники возник в кругах служилой знати, близкой к Роману Лакапину, причем для составления хроники было использовано «Жизнеописание Василия», вышедшее, возможно, из-под пера какого-нибудь ученика Фотия. Вторая редакция несет отпечаток переработки в кругах провинциальной феодальной знати, группировавшейся вокруг Фок. Составитель третьей редакции использовал антифотнианский памфлет, возникший, по всей вероятности, в демократических кругах Константинополя.

¹³⁵ А. А. Васильев. Византия и арабы, ч. II, стр. 118 сл.

¹³⁶ Э.-Г. Муральт. Хронограф, стр. 847.4—5.

¹³⁷ В отличие от этого Симеон Метафраст, составитель агиографического сборника, был выразителем интересов провинциальной знати и вступил в открытый конфликт с императором Василием II (см. К. Кекелидзе. Симеон Метафраст, стр. 189).

¹³⁸ C. de Vogt. Weiteres zur Chronik des Skylitzes. BZ, Bd. 14, 1905. S. 413. В отличие от нашего Симеона, Метафраст был логофетом дрома (J. Darrouzès. Un recueil épistolaire, p. 97).

¹³⁹ В. Г. Васильевский. Два надгробных стихотворения, стр. 578.4—10.